Р2
В19
Сергей Васильев
КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

154299

Ст. чит.

ПО «Вымпел» УИМ. 1974 г. 1455 –

Сергей Васильев

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

В ЗАУРАЛЬЕ
В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ,
В СЕЛЕ КОЛЕСНИКОВО НА ВИДНОМ МЕСТЕ
СТОИТ СКРОМНЫЙ КАМЕННЫЙ ОБЕЛИСК,
НА БЕЛОМ МРАМОРЕ НАДПИСЬ:
*«Здесь похоронен
пионер Коля Мяготин,
зверски убитый кулаками
25 октября 1932 года».*

Детская библиотека
№ 23 им. Горького
ЧИТАЛЬНЯ

© Издательство «Советская Россия», 1974 г. Иллюстрации.

76 85 2000 2009 16 Р2 В19

Сергей Васильев

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

(Поэма о Коле)

Иллюстрации Е. Шукаева

1542299

Издательство «Советская Россия»
Москва — 1974

ПОГАШЕНО

1

Давно это было, давно это было.
По-русски оплакав — разгневанно, вволю! —
народная память его сохранила,
героя-мальчонку, Мяготина Колю.
Он так и встает в полный рост перед вами,
как цепкий дубок из крутого подлеска,
с упрямым смешным вихорком над бровями,
спаленным полуденным солнцем до блеска.
Исчерпана долгого времени мера.
И сроки настали — настигло, приспело
поднять мне в стихах земляка-пионера,
погибшего в схватке за правое дело.
Я всем своим домыслом явственно чую —
как конь на ходу чует землю подковой —
тревожную Колину душу большую,
сибирский радушный характер кремневый.
В пшеничном разливе, в картофельной лунке,
в березовом шуме, в сосновом настое
живут его светлые юные думки,
стучится сердечко его золотое.

2

По Заречью, по Заречью,
зноем ласковым палимый,
он шагает, а навстречу —
запах мяты и полыни.

Писк встревоженных полевок,
крики чибисов и чаек —
постоялок камышовых,
заливных низин хозяев.

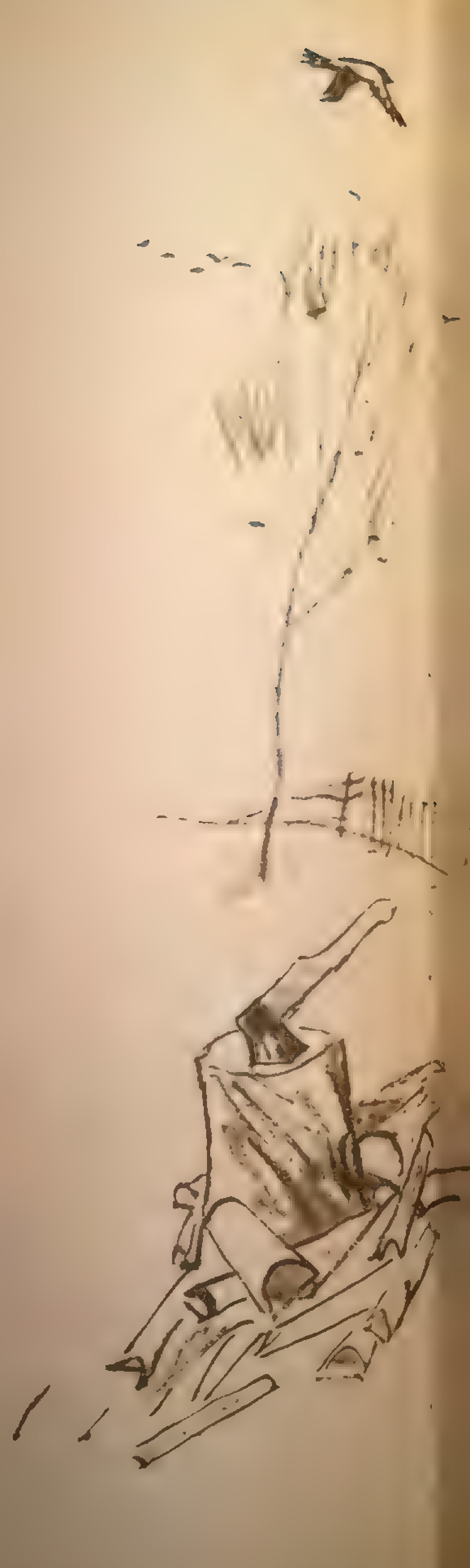
Вьются птицы, задыхаясь,
от середки и до края
гулевой волны касаясь,
на ветру перо теряя.

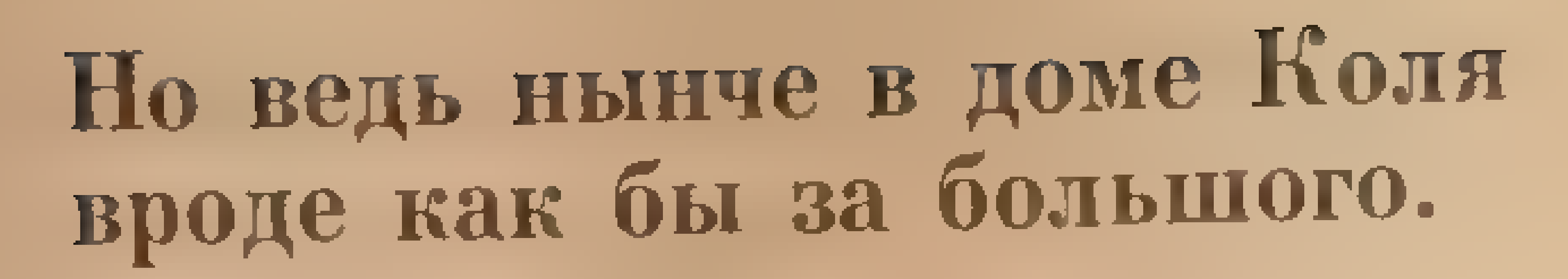
А за ними, а за ними,
сея ужас в птичьих гнездах,
злыми крыльями своими
бурый коршун режет воздух.

Вот бы дать бы из рогатки
по разбойнику степному,
подшибить — и взятки гладки! —
да скорее надо к дому.

Небо пологом из ситца
тянет в поле, тянет в пади,
да нет времени носиться
просто так, забавы ради.

Скучно все же на приколе,
что скрывать, не жизнь — полова.

Но ведь нынче в доме Коля
вроде как бы за большого.

Надо дно ушить у бата[1],
про запас надрать бересты.
Пусть не хвастают ребята,
это все-таки не просто.

Наколоть дровец на сушку,
двор подместь. К тому ж придется
наносить воды в кадушку
из далекого колодца.

По хозяйству дела много,
совладать со всем трудненько.
...Возле двух озер, у лога,
распласталась деревенька.

Половодье вышло в поймы,
пляшут волны у закраин.
...Тятьки нету. Тятька помер,
колчаковцами замаян.

Голый ветер спозаранку
воет, ветлы колыхая.
...Мамка есть. Да больно мамку
источила хворь лихая.

Надо ей помочь крепиться,
чтобы было все в порядке...
Поздний час. Пора садиться
за заветные тетрадки.

[1] Бат — челн.

3

А события такие
по округе развернулись,
словно вырвалась стихия
на застой крестьянских улиц.

Новый мир пошел на старый,
на дремучий, на кондовый,
всякий раз звериной сварой
вдруг ощериться готовый.

Агитатор из ликбеза
в картузе или в косынке —
против потного обреза
и в рукав зашитой финки.

Зипунишко издалече —
против здешенской борчатки,
прямота открытой речи —
против спрятанной свинчатки.

Смотрит Колька,
слышит Колька,
примечает поименно:
сколько тёть и дядей сколько,
и своих и из района!

Чутко мальчик понимает,
на своих и пришлых глядя:
этот правду защищает,
а вот тот — опасный дядя.

Прямо — свет неотразимый,
а направо — темь и злоба.
Тут не то что быть разиней,
а глядеть все время в оба.

Даже взрослым трудновато,
даже самым закаленным...

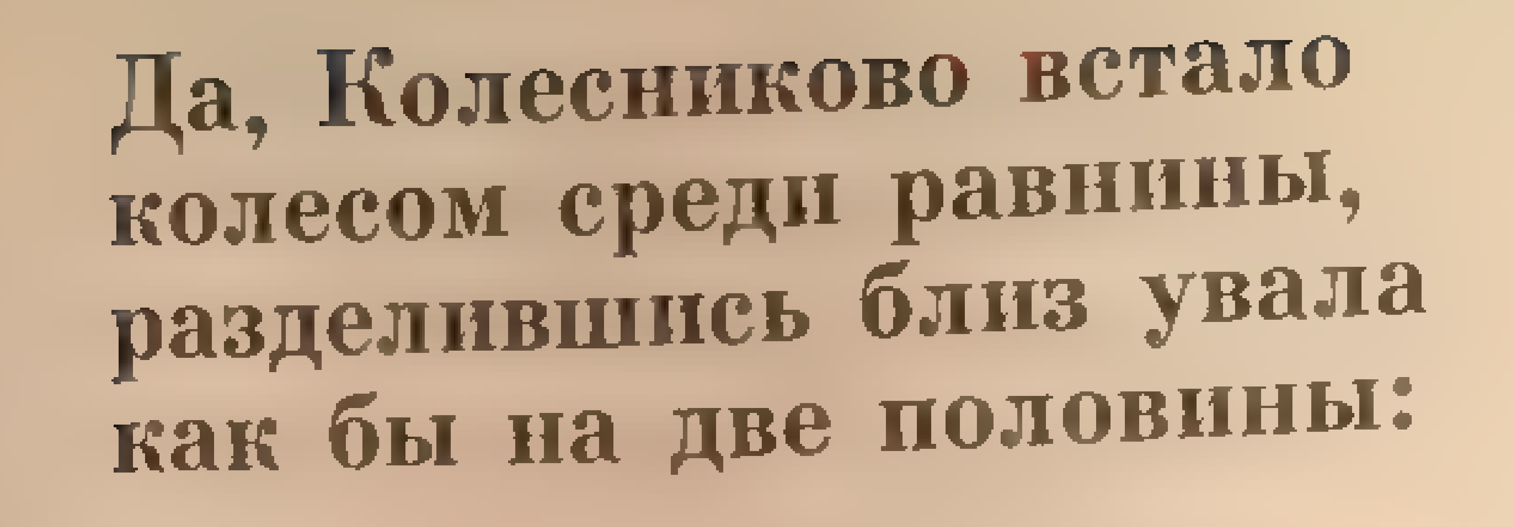

4

Жаркий год двадцать девятый
звать «великим переломом».

5

Да, Колесниково встало
колесом среди равнины,
разделившись близ увала
как бы на две половины:

на Большую — основную
всю в хоромах тугобрюхих,
и на Малую — степную,
всю в залатанных малухах[1].

В Малой — избы бедной кройки,
не до жиру, быть бы живу,
а в Большой стоят постройки
под гребенку, по ранжиру.

Что ни дом — тяжел как камень,
пялит бельма, будто инок,
по-медвежьи стояками
уцепившись за суглинок.

Бревна — чуть не в два обхвата
и кирпичная основа.
И всех выше дом богатый
кулака Луки Сычева.

По карнизу, как гвоздика,
лента-вязь резным подзором.
И забор матер. Поди-ка
знай, что робят за забором.

[1] Малухи — пристройки.

Сам-то выслан. Но остались
на селе два кровных братца —
темя в темя, палец в палец,
два тупых старообрядца.

С виду вроде разноперы,
а подбор-то одинаков:
тихоблуды, мародеры,
два сыча — Фотей да Яков.

Нет у них надежней друга,
чем вернувшийся из ссылки
Ванька Вахрушев — пьянчуга,
верный раб, слуга бутылки.

У него в деревне Малой
мать живет и два братана,
но торчит отпетый малый
у Сычевых беспрестанно.

154299

Детская библиотека
№ 23 им. Горького
ЧИТАЛЬНЯ

Видно, дома-то Ивану
сладу нет ни на копейку,
он и с трезвости и спьяну
материт свою семейку:

«Ох, с родней я с энтой маюсь!
Вот кровя, не дай ты боже!
Я хорек, не отпираюсь,
но и сродственнички тоже!

Достают мне до печенок
их луженой пробы хайла.
Младший, Петька, что волчонок,
а пшшо чумней Михайло.

Но я их обох корежу,
да и мать трясу, как грушу.
Хомяки, костыль им в кожу,
грызуны, осот им в душу!»

Старший бродит-колобродит,
младший — тянет лямку в школе.

6

Однокашником выходит
он Мяготиному Коле.

7

Школа малость на отшибе,
на пустующей поляне,
за сквозными небольшими
молодыми тополями.

Две зимы уж миновало
с той поры, как вниз по долу,
с букварем, с бруском пенала
ходит Коля в эту школу.

Говорлив конец апреля!
Снег исчез у косогора,
пашни высохнуть успели,
зеленя забрезжат скоро.

Утро выдалось сегодня —
прямо чудо, загляденье.
День обычный, день субботний,
а похож на воскресенье.

Сок березы полнит кружку,
благодать вокруг какая.
Ребятня спешит, друг дружку
по привычке окликая.

Вот и Петька повстречался.
Речь его полна значенья:
дескать, старосте-начальству
наше с кисточкой почтенье.

Голова торчит, как редька,
неуклюжая в поклоне.
— Здравствуй, Колька!
— Здравствуй, Петька!
— Чтой-то ты наряден ноне?

И действительно: Мяготин
весь сиял, как по заказу.
Что случиться ни могло там, —
не был он таким ни разу.

По живым глазенкам добрым,
по размеренному жесту
сразу видно: Коля собран
и особенно торжествен.

Пиджачок застегнут баско,
приторочен ранец веско,
и ботинки черной ваксой
отработаны до блеска.

Петька все отлично знает
(просто он хитрит без меры!),
знает, плут, что принимают
нынче Колю в пионеры.

Петька морщится для вида,
хорохорится, кривляясь,
а нутро грызет обида,
подсознательная зависть.

Может, он и сам хотел бы
в пионеры записаться,
красный клинышек надел бы
и пошел бы красоваться...

Правда, Петькины отметки
на него ложатся тенью,
круглый год к тому ж у Петьки
ровно кол по поведенью.

8

Накануне Первомая
в шуме птичьих переливов

просигналил горн, сзывая
ребятишек говорливых.

В краткий роздых перемены,
как ударники на жатву,
собрались юнцы мгновенно
на торжественную клятву.

Даже верткий Петька замер
(тут охальничать посмей-ка!).
В тихом классе не экзамен —
пионерская линейка.

Пять лихих вихров фасонных,
набок смятых картузами!
Пять косичек, заплетенных
туго, словно в наказанье!

Строй глядит молодцевато,
и учительница тоже
разрумянилась: — Ребята!
Что на свете есть дороже,

чем Советская держава,
под крылатою звездою,
боевая честь и слава —
знамя Ленина святое!

Обещайте же, родные,
жить на свете и учиться
так, чтоб Родина отныне
вами впредь могла гордиться!

Речь учительницы манит,
вдаль зовет, навстречу стягу,
словно золотом чеканит
пионерскую присягу.

Говорит она, яснея,
с расстановкою, толково.
И ребята вслед за нею
повторяют слово в слово.

Вот учительница стоя:
«Поздравляю вас!» — сказала,
и умолкнувшему строю
красный галстук повязала.

Вспыхнул он, сплошным румянцем
озарив ребячьи щеки,
призывая всех равняться
на святой пример высокий.

Сердце бьется поневоле
учащенно, беспокойно.
«Обещаю, — шепчет Коля, —
обещаю жить достойно!»

Тихо шепчет. А сдается,
это слово «обещаю»
непослушно раздается
по всему родному краю...

9

Летних сборищ завсегдатай,
он с ребятами в союзе,
верный спутник бородатый,
непременный дядя Кузя.

Постоянный друг ребячий,
все он видит, все он может,
Хочешь — свяжет плот рыбачий,
хочешь — суслика стреножит.

Хочешь — волка обратает
(подползет к нему овечкой!),
хочешь — если пожелает —
подкует сверчка за печкой.

Иль сваляет мяч из шерсти,
на всамделишный похожий,
да обтянет честь по чести
сыромятной белой кожей.

Иль такие подвесные
смастерит весной качели,
что ребята вместе с ними
в облаках не тонут еле.

Все он, дядя Кузя, знает
и в чащобе и в затоне,
и вода и глушь лесная
у него как на ладони.

Уступая путь друг другу,
хитрой выдумкой согреты,
чередом идут по кругу
дяди Кузины советы:

как избавить чан от течи,
где красней найти костянку,
где поставить снасть под вечер,
а где — лучше спозаранку.

Любят дядю Кузю дети,
по заслугам любят, крепко.
Добрый дед! Табак — в кисете,
перочинный нож — на цепке.

На щеке — рубец багровый,
словно дратвина продета, —
пролегла полуподковой
колчаковских пыток мета.

За Тоболом, близ Кургана,
беляки решили в кузне
«выжечь дурь» из партизана.
Да не сдался дядя Кузя!

Принял муки, смолк до корня,
чудом выжил, ад изведав,
но с тех пор еще упорней
драться стал за власть Советов.

Все прошел пути-дороги
жесткой жизни партизанской,
как герой подвел итоги
проливной войны гражданской:

две награды, три увечья —
хром, сутул, лицо со шрамом.
А в колхоз вступил в Заречье,
почитай, что первым самым.

Счастье трудного маршрута
кровью смерил честный воин...
Но сегодня почему-то
чем-то старый недоволен.

Беспокойный и суровый,
раскрасневшись, как с мороза,
входит он, нахмурив брови,
в дом правления колхоза.

Плащ-брезентку распоясав,
заявляет напрямую:
— Почему ж мы лоботрясов
запускаем в кладовую?!

Ванька Вахрушев с Сычевым
нанялись в колхоз работать!
Да ведь это, право слово,
не работники, а копоть!

Неужели не понятно,
кто к нам исподволь сочится?
На кого потом пенять нам,
если что не так случится?

Где в селе найдешь беспутней
этих самых... закадычных,

этих двух кулацких трутней,
злобных шкур единоличных?

Нет, товарищи, напрасно
класть друг другу в ухо вьюшку,
вешать бдительность на прясло,
как вехотку[1] на просушку!

Нет, еще не время, братцы,
закрывать глаза на гадин.
Могут взять и разыграться,
если ход им будет даден!..

В переделку взятый сразу,
председатель сельсовета
ни единой дельной фразы
не находит для ответа:

— Это истина святая,
это правда... Оба гада!
Но ведь рук-то не хватает,
слышь, Кузьма, а робить надо.

Это верно... Не перечу...
Зря не кинусь в перепалку.

[1] Вехотка — мочалка.

Кузя — в сени.
А навстречу
Ванька Вахрушев вразвалку.

— Вот он! Легок на помине.
Сколько ноне выпил?
— Флягу...
— Где заспал глаза?
— В овине.
— Что видал во сне?
— Кулагу.
— Всю слизал?
— Да, напитался,
на семь дён вперед надулся!
— Жалко, что не догадался
околеть, когда проснулся!

— Дядя Кузя! Как заноза,
стал ты к старости, ей-богу.
Аль не в счет, что для колхоза
я теперь иду в подмогу?

И добавил, глазки сузя:
— Вот... порукой... крест
нательный!
— Что мне крест! — отрезал
Кузя. —
Мне дороже
хлеб артельный!

10

Надо ж было так случиться,
чтоб по поводу пустому
вздумал Коля отлучиться
в этот поздний час из дому!

Просто вышел побродяжить,
поглядеть на звезды малость,

а прогулка очень даже
любопытной оказалась!

Осмотрел свои плетенки
в мелкой заводи, вернулся,
обогнул осинник тонкий
и... на Петьку натолкнулся!

Петька плакал. Плакал горько,
сжавшись весь, щекой рябою
принимая пыль пригорка.
— Слушай, Петя, что с тобою?

Навесной росой затянут,
мальчуган дрожал, как заяц.
— Я боюсь их... Бить ведь станут, —
повторял он, озираясь.

— Кто? Куда рукой-то кажешь?
Назови хоть для примера!
— Побожись, что не расскажешь!
— Верь мне, слово пионера!

Петька тут же напрямую
однокашнику поведал,
как он тайну воровскую
непредвиденно разведал:

— Понимаешь, мать к Сычевым
прогнала меня за братом.
Позови, дескать, старшого
да вертай скорей обратно.

Ну, прибег я... Дверь запёрта.
Неспроста, видать, засели!
Раз изюм такого сорта,
я, конечно, ухо — к щели.

Чуял плохо, врать не стану,
но запомнил в темноте я,
что сказал всурьез Ивану
голос дяденьки Фотея:

«Спрячем хлеб с телегой вместе
в Коробейниковой чаще,
в этом, мол, треклятом месте
вить веревки подходяще.

Ночью двинешь до Кургана,
темнота, мол, не глазаста,
а в Кургане утром рано
на базар свезешь — и баста».

Только я оставил щелку,
отвернулся, оторвался,
а Фотей меня за холку
цап-царап: «Откуда взялся?!

Слушал, пес, что мы решали?
Отвечай!» Я испужался,
отпираться стал вначале;
а потом во всем признался.

Ой, в какую влез я клетку!
Никудышный случай вышел!..
Но запуганного Петьку
Николай уже не слышал.

Он в одно мгновенье ока
стригуном сорвался с места.
Ох, далеко, ох, далеко
Коробейниковый лес-то!

Мимо спящих ветел! Мимо
сонной мельницы соловой!
Напрямки, неудержимо!
Мимо сметанной соломы!

Мимо просеки у лога!
Мимо лапчатых развилин,
где — ни мало и ни много, —
говорят, гнездится филин!

Мимо ельчатого вала,
где стволы переплелися,
где — ни много и ни мало, —
слышал Коля, рыщут рыси!

Слева — яма, топь — направо,
прямо — заваль сухостоя.
Кто торчит там? Пень трухлявый.
Сходство с пугалом простое!

Кто кричит? Ночная птица.
Сердце бьется чаще, чаще...
Только бы не заблудиться
в Коробейниковой чаще!

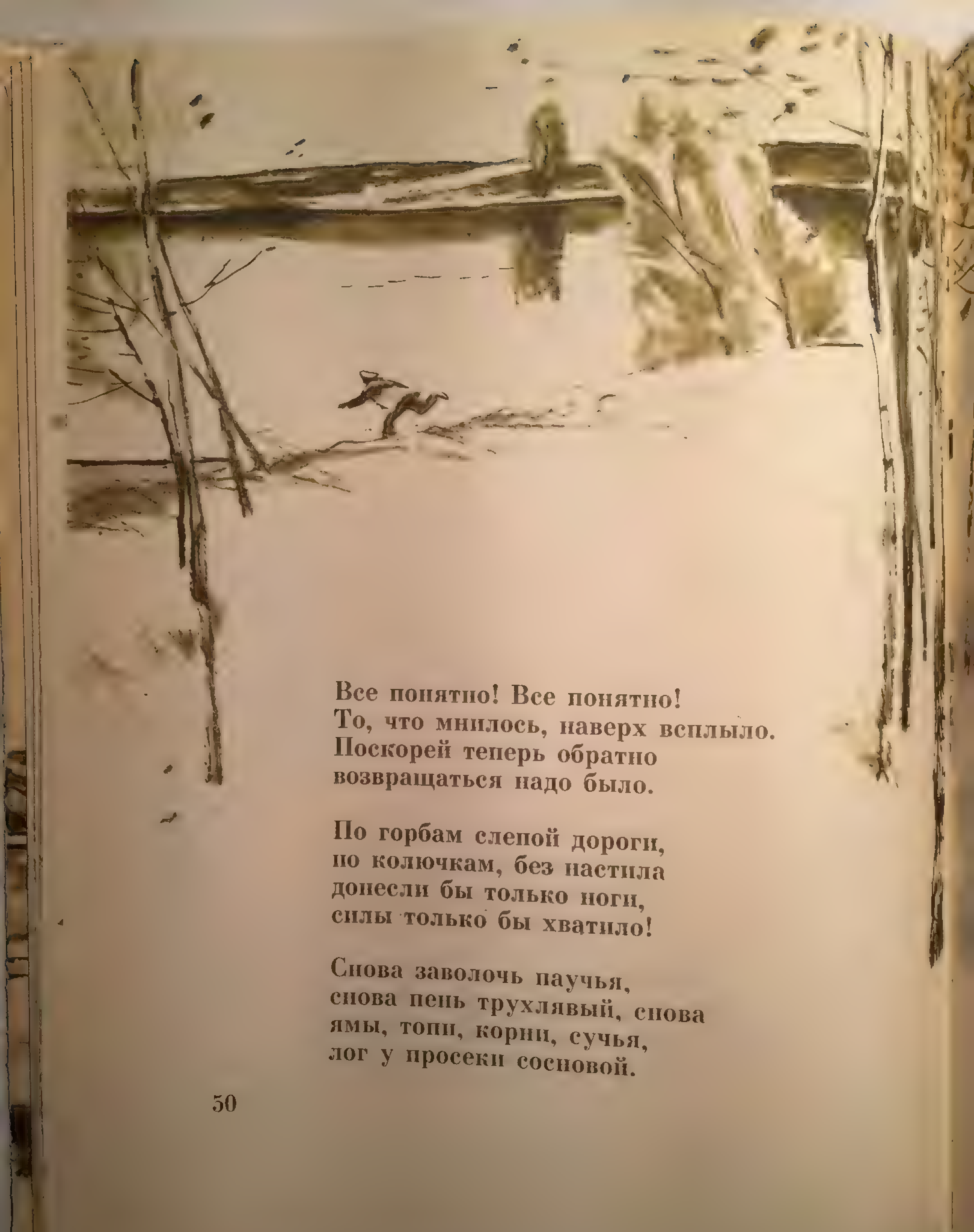
Вот и царство нежилое —
запустелая гнилушка,
Коробейникова, в хвое
утонувшая избушка.

Глухо. Боязно. Дремуче.
Хоть чуть-чуть, хоть на немножко
посвети, луна, сквозь тучи,
разыщи во мгле окошко!

Так и есть! В немом овражке,
недалече от полянки,
Ванька Вахрушев в фуражке
и Фотей Сычев в ушанке.

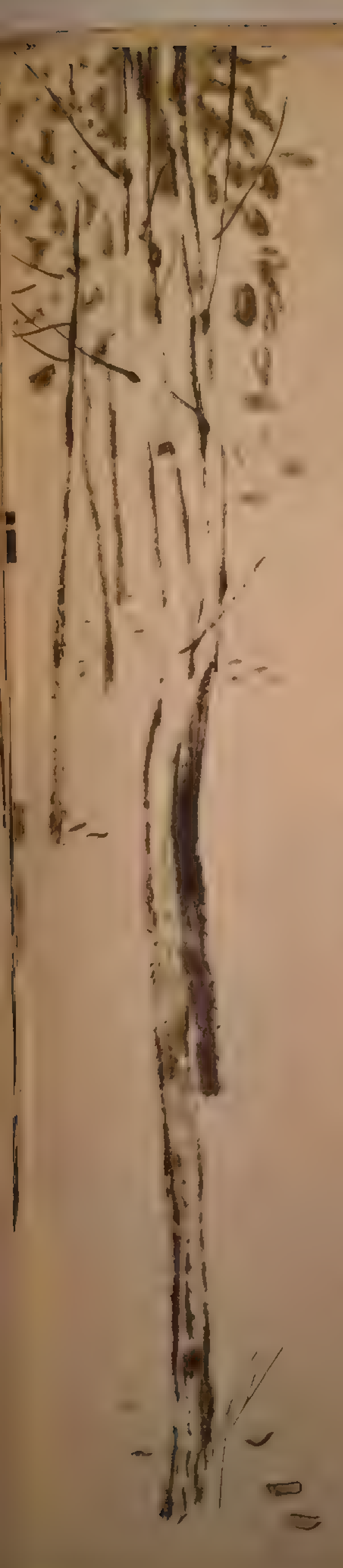
Запыхавшись, как с разбегу,
плотной, грузной вереницей
ловко ставят на телегу
под брезент мешки с пшеницей.

Все понятно! Все понятно!
То, что мнилось, наверх всплыло.
Поскорей теперь обратно
возвращаться надо было.

По горбам слепой дороги,
по колючкам, без настила
донесли бы только ноги,
силы только бы хватило!

Снова заволочь паучья,
снова пень трухлявый, снова
ямы, топи, корни, сучья,
лог у просеки сосновой.

Вот и дремлющие ветлы,
вот и сходни полосаты,
вот и щучья заводь, вот и
гумна, крыши, палисады.

Блещет, словно в ставню впаян,
фителек ночного света.
А у лампы сам хозяин —
председатель сельсовета.

Он сложил газету вдвое:
Спать ложиться не пора ли?
— Дядя Мыльников! Худое...
Наш колхозный хлеб украли!

Председатель, будто в нору,
глянул в фортку: – Что такое?!
Вот сопляк! Об эту пору
не дает людям покоя!

— Хлеб уже в лесу... Далёко!
Я же вправду говорю вам!..
— Что ты долбишь, как сорока
по порожней кринке клювом!
Ты скажи ладом... —
И Коля,
второпях присев на кадку,
картузок в руке мозоля,
доложил все по порядку.

Хрюкнул Мыльников, как порос,
почесал скулу-щетину,
растопырил локти порознь
и сказал, согласно чину:

— Слушай, парень, ты в уме ли?
Ври, да зря не завирайся.
Хоть всю ночь мели, Емеля,
да в муке не зарывайся.

Допускать, пожалуй, нужно
нарушенье общих правил...
Но я сам же после ужина
на току охрану ставил!

Стража с хлеба глаз не сводит,
а ты мелешь... Чушь какая!
Хлеб, по-твоему, выходит,
на хвостах дрозды таскают?

Ты давай... того, приятель,
не сподобься вертопраху! —
Не поверил председатель
и захлопнул фортку с маху.

Потому ль, что в сладкой дреме,
потерял вожжу-мыслишку,
оттого ль, что, кваса кроме,
принял на ночь водки лишку.

11

Перекличкою утиной,
в расшивной багрец одето,
домотканой паутиной
прилетело бабье лето.

Разбрелось по тихим тропам,
жаром листьев полыхая,
луком, солодом, укропом
за сто верст благоухая.

Заразительно и вкусно,
с аппетитом то и дело
кочерыжкою капустной
в каждом доме захрустело.

Светясь радостью великой,
улеглось рядком, красуясь,
огурцом, груздем, брусникой
в жбан, в корчагу, в легкий туес.

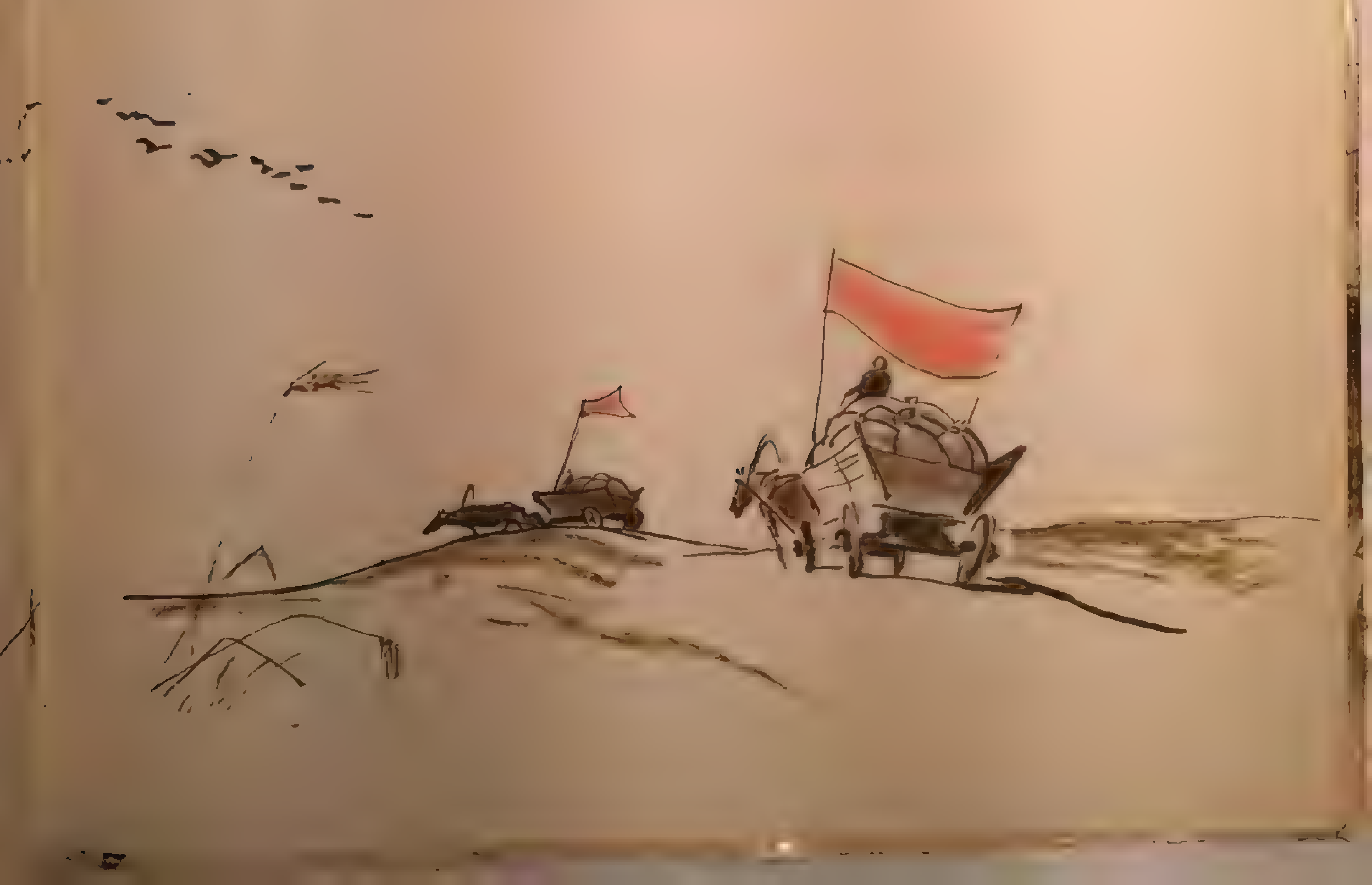
Гомоня словцом веселым,
под тяжелой ношей горбясь,
хмелем, пряностью, рассолом
опустилось в темный голбец.

Вёдро! Даже осушилось
часть застойного болота.
Не страда пришла, а милость,
благодать для обмолота.

Всё — к успеху, все — к удаче,
грех подумать об уроне.

12

А колхоз по хлебосдаче
шел в хвосте во всем районе.

13

Знать, Кузьма глядел как в воду.
Что ни день — в колхозе случай:
то груженую подводу
занесет на грунт зыбучий,

то солома вспыхнет в копнах,
то утонет хряк в колодце,
то привод ременный лопнет,
то шлея, то гуж порвется.

Кто-то нагло портил тягу,
жег снопы, калечил сбрую,
хоронясь, давая тягу,
крал, вредил напропалую.

Днем схватить воров пытались,
по ночам дозор дежурил,
но мошенники скрывались,
а не пойманный — не жулик.

Подозренье — вроде сажи:
чернота, но не улика,
а попробуй-ка пропажу
по наитию свали-ка!

Тут греха не оберешься,
и обид не сосчитаешь,
и виновных не добьешься,
и безвинных потеряешь.

Вот тогда-то, выйдя в поле,
без отсрочки, по секрету,
и решил Мяготин Коля
написать письмо в газету.

14

Буква к букве, к слову слово,
от заглавия до точки
прямиком, без останова
побежали струйки-строчки:

«Уважаемые дяди,
уважаемые тети!
Я надеюсь, что меня вы
обязательно поймете.

В молодом колхозе нашем
все стараются трудиться.
Но есть жулики. И надо
нам от них освободиться.

Я застал их за покражей
и немедленно про это
рассказал, как было дело,
председателю Совета.

Только он чудной какой-то!
Не дослушал толком даже,
за мою же правду тут же
напустился на меня же.

«Блажь! — кричит. — Сдурел!
Придумал!»
А к чему она мне, блажь-то?
Окрестил вруном ни про что,
сопляком назвал ни за что.

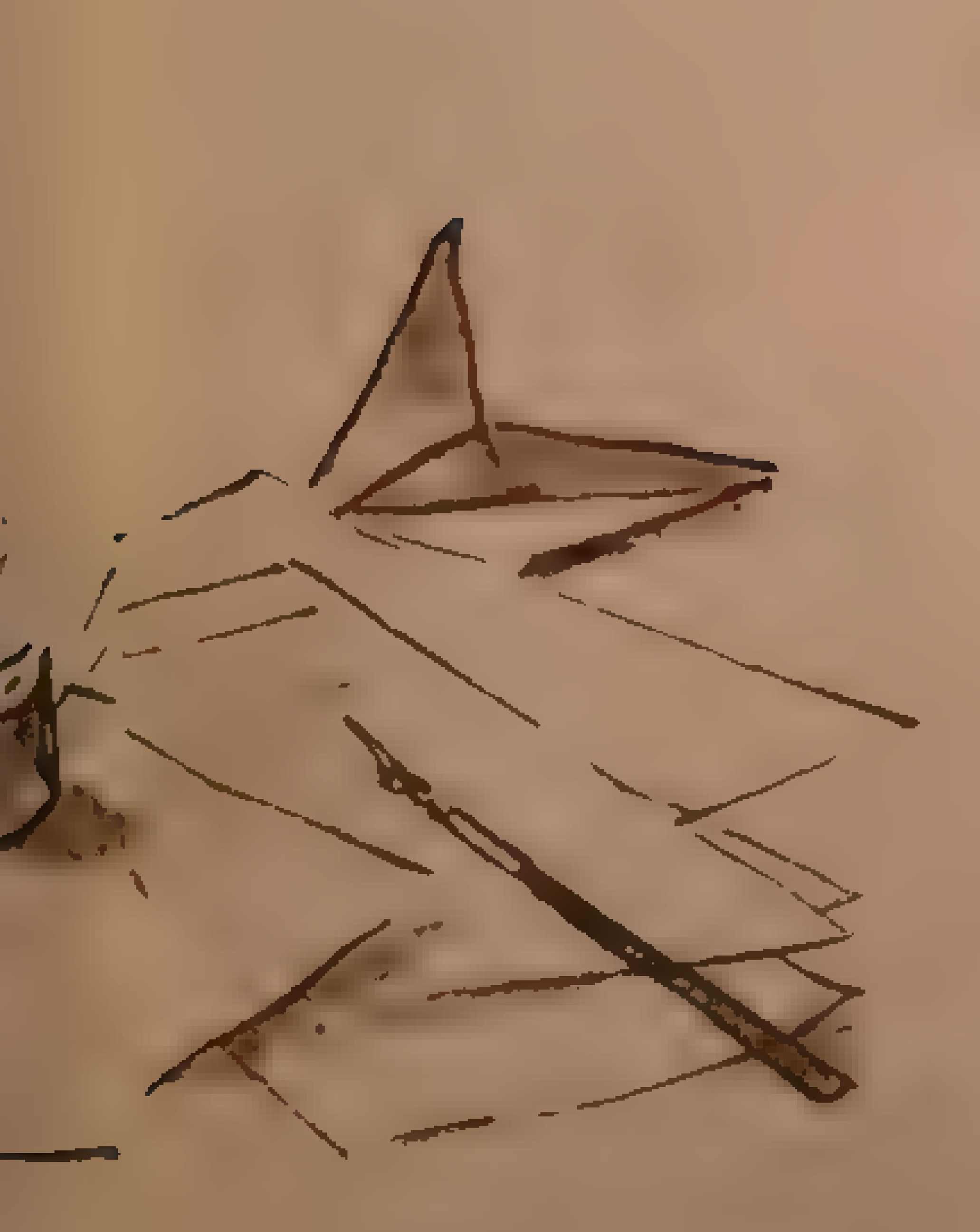
Он, мне кажется, боится
угодить на щит позора,
потому и не выносит
из избы наружу сора.

Просто сердце от обиды
разрывается на части,
если знаешь: вот он, рядом,
ходит враг Советской власти!»

Точка, точка, запятая,
Цель надежна, как подпруга.
Мысли льются, настигая,
набегая друг на друга.

Может быть, не шибко складно,
может быть, не больно гладко,
но зато по фактам ладно
заполняется тетрадка.

Без боязни пишет Коля,
перед ним — мечта большая,
не отступит он, доколе
кривда правде жить мешает.

15

Вслед за хлесткою заметкой,
появившейся в печати,
полетел стрелою меткой
громкий говор непочатый:

— Наконец беда пройдохам!
— Засекли кота на сале!
— Ну, теперь причешут чохом,
коль в газете прописали!

— Кто ж писал? Кузьма?
— Да где там!
— Грамотей, ученый кто-то...
— Говорят, что, по приметам,
пионерских рук работа!

То ли кто разведал, то ли
разболтал, но о сигнале —
о письме-тетрадке Коли —
даже недруги узнали.

Встретил Колю возле брода
Ванька Вахрушев ушастый:
— Ты, бесштанная порода,
красным клином-то не хвастай!

Я ить враз петлю сварганю
из цветного лоскуточка.
Встрену, с ходу заарканю,
подтяну к сучку — и точка!

Прохрипел. Качнулся вправо
жидким корпусом, поджарым,
обдал густо и слюняво
самогонным перегаром.

Глазки — щелки, грудь — дугою,
руки — в боки, как поленья.
Интересно, мол, какое
произвел я впечатленье?

Но на наглую угрозу
Коля дал ответ не сразу.
Увернулся за березу
и такую бросил фразу:

— Не пужай! Я не пужливый.
Не похож на трясогузку.
Так что шиш тебе со сливой
на вино и на закуску.

Можешь брать — и в путь-дорогу,
если полностью навьючишь.
А за кражу-то, ей-богу,
ты еще свое получишь!

Ванька даже поперхнулся
смелым Колиным ответом
и, конечно, матюкнулся
в три оглоблины при этом.

Замахнулся было палкой,
да увидел: цель пропала.
И своей походкой валкой
зашагал в камыш устало.

16

Время в стойло не запятишь,
не загонишь хворостиной,
не замаслишь, не запрячешь
в тальниковый короб длинный.

Неожиданно взыграла
осень, ранняя и злая,
от деревни до увала
белый иней выстилая.

Стужа землю прихватила,
птиц, зверье взяла на привязь.
Даже рыба в темень ила
в тихом озере зарылась.

В колках песни отзвучали,
сникли сны на сеновале,
ледяными обручами
ветры-злыдни засновали.

А в избе тепло и сухо.
Кот мурлычет (лежебока!),
да доносится до слуха
стук цепов, летящий с тока.

Заждалась в снопах пшеница,
припозднились с молотьбою...
Кто пришел там? Кто стучится?
Кто несет мороз с собою?

Чьи в пимах, подшитых кожей,
у ворот мелькнули ноги?

Двери — настежь. С редькой схожий,
Петька мнется на пороге.

Входит медленно, сторожко,
как и старший брат, враскачку:
— Коля, выручи немножко,
помоги решить задачку...

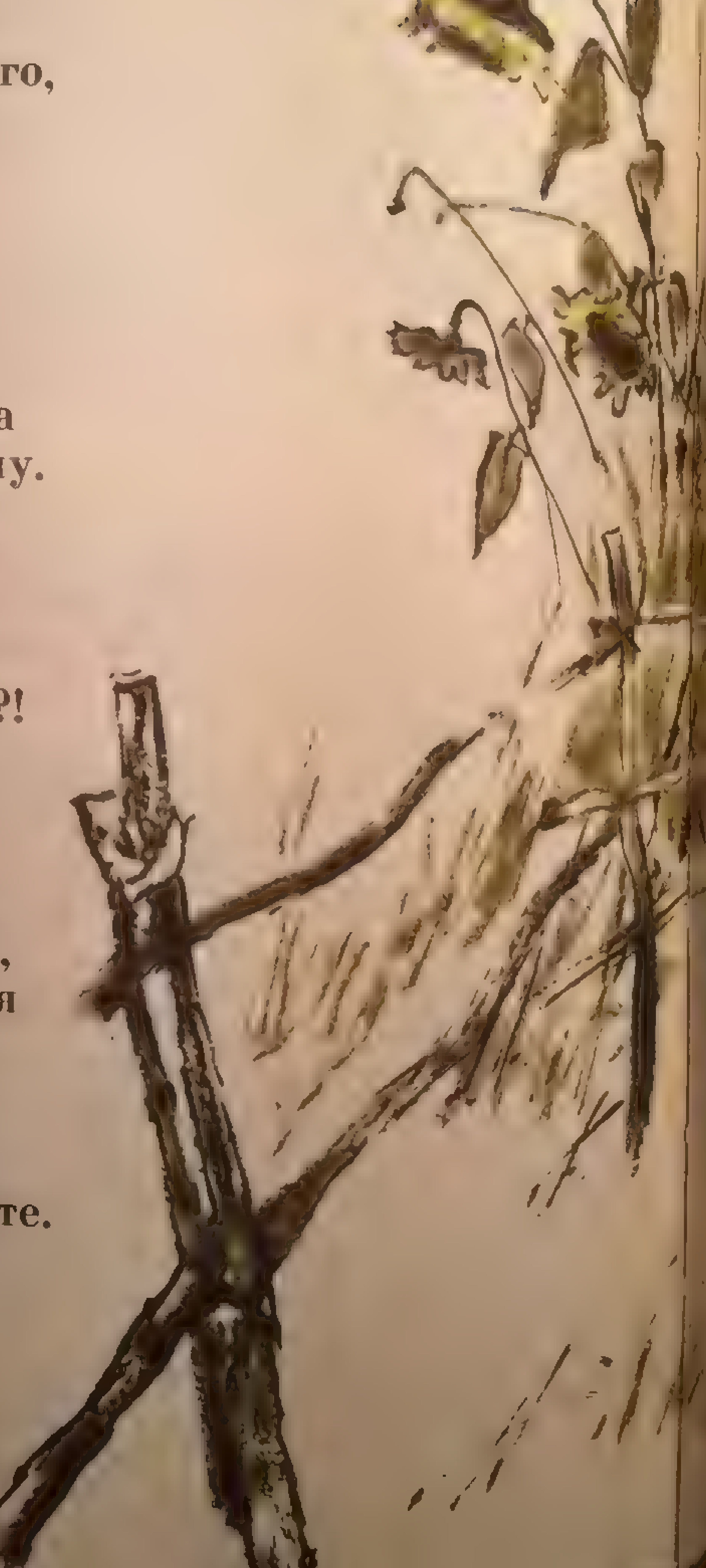
Мать на Колю поглядела:
что ж, сходи, мол, ненадолго,
подсобить — святое дело,
это как бы вроде долга.

Вышли двое за ворота,
говорит один другому:
— Знаешь, Кольша, неохота
мне спешить обратно к дому.

Лучше в поле, по дороге
за подсолнухами вдарим!..
— Ты ж хотел учить уроки?!
— Опосля уху доварим!

Самому с собой сражаться
в детстве, видимо, напрасно,
трудно в детстве удержаться
от веселого соблазна.

Что-то очень зазывное
есть в любом простом запрете.

Вот уже и в поле двое.
Но откуда взялся третий?

Не скотина, не детина,
не заморен, не откормлен —
долговязая жердина,
кверху поднятая комлем.

Он, напившись спозаранку,
озираясь поминутно,
волокет с собой берданку
за спиною почему-то.

Коля встал, прикинуть силясь
(подозренье сердце гложет!):
«Неужели сговорились?
Быть не может, быть не может!

Почему же Петька скрылся?
Что же это: сговор? Или...»
Коля вновь остановился:
«Неужели заманили?»

А вахлак с берданкой рыжей
не идет уже — крадется,
вкривь, к подсолнечникам ближе,
в кочкари, через болотце.

Вот уже он сбоку... Рядом.
Пьяный... Заспанный... Обвислый...
Может быть, утечь по грядам?
Поздно!
Глухо грянул выстрел.

Опрокинулось мгновенно
небо рваное дневное,
облаков седая пена
свисла в кочки перегноя.

Снегири, щеглы, синицы!
Колю в гости вы не ждите.
Навсегда смежив ресницы,
он теперь уже не житель.

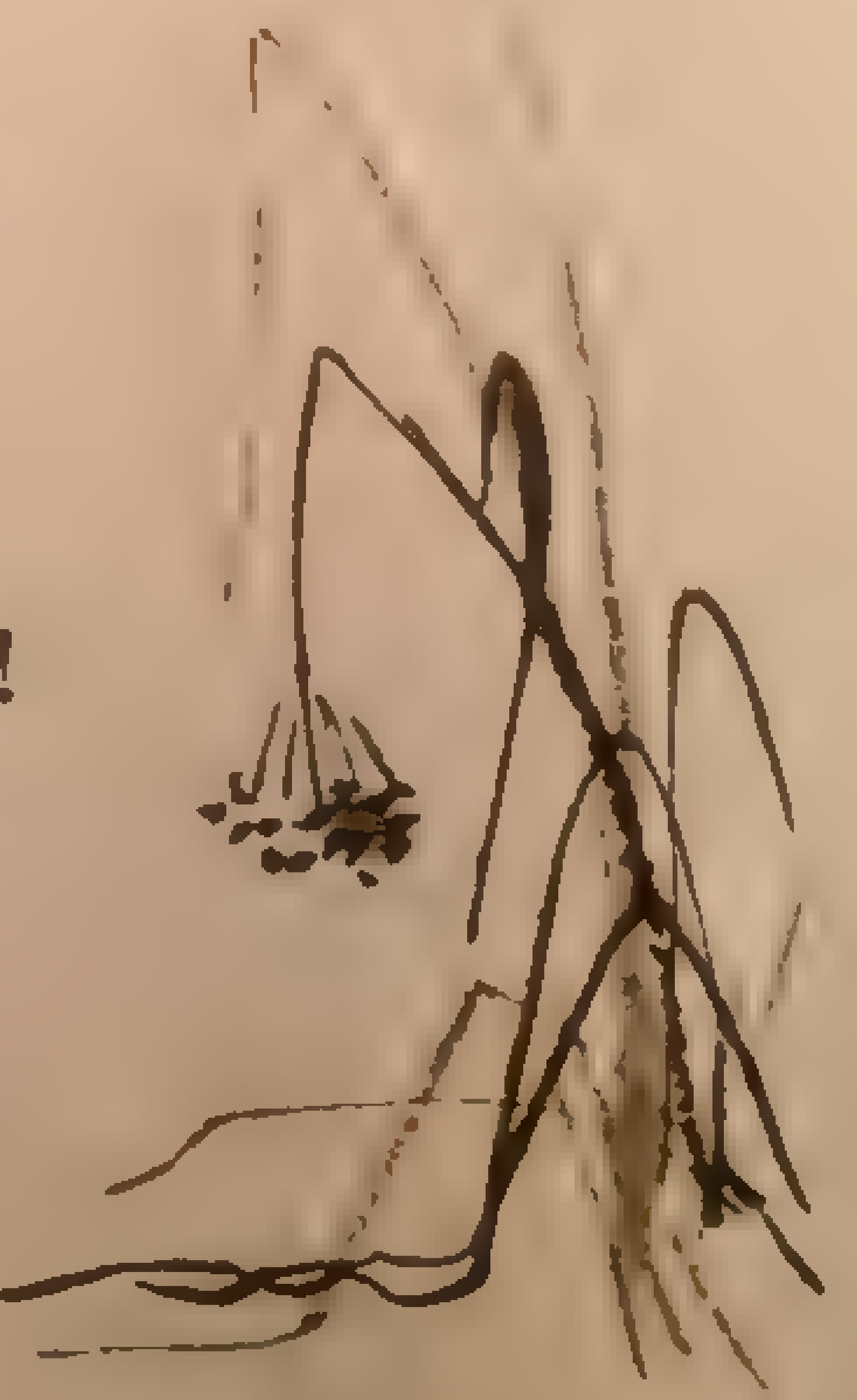
Он лежит, раскинув руки,
слова вымолвить не может,
окружающие звуки
сердце больше не тревожат.

Никакой не чует боли,
снег на бледном лбу не тает,
нету Коли, нету Коли,
след пороша заметает...

Стынет зыбкая трясина,
кружит колкая пороша,
гнется жалкая осина,
ветки голые ероша.

На бугре кричит ворона,
чистит перья снежным мелом...
От остывшего патрона
пахнет порохом сгорелым.

Шелест колков, тишь поскотин!
Коля встречу вам не выйдет,
не поднимется Мяготин:
обожгла картечь навылет.

В трудный час малец не струсил!
Алый вымпел, красный галстук,
сохраняя крепкий узел,
на ветру не развязался!

Кровь из раны, кровь из раны
цвета рдеющей герани...
Ах, как горько и как рано
пал боец на поле брани!

17

Давно это было, давно это было,
Немало воды утекло вдоль увала,
пропитанных терпким листом чернобыла,
суровых ветров отшумело немало.

Убийцы раскрыты. И вырваны с корнем.
Убийцы забыты. А Колино имя
ясней день за днем, год от года упорней
звучит наравне с именами живыми.

Оно стало улицей, шумной и длинной,
озерами окон прямого квартала,
цветущей сиренью, ребячьей лавиной,
Дворцом пионеров заслуженно стало.

Нет! Коля, видать, не поддался картечи.
Он смерть одолел и родился повторно,
как гордый подснежник на празднике встречи,
как утренний голос призывного горна.

Курган — Москва
1960–1964

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

1 р. 13 к.